

DOI 10.15393/j9.art.2015.3442
УДК 821.161.1.09“1917/1992”

Марина Владимировна Заваркина

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
mvnikulina@mail.ru*

Антон Викторович Храмых

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
prestoptz@yandex.ru*

МОТИВ СВЕТА В РАССКАЗЕ Б. ЗАЙЦЕВА «ОСЕННИЙ СВЕТ»*

Аннотация. Б. Зайцев — значимая фигура русского зарубежья, эмигрант «первой волны», его проза оставила заметный след в русской литературе. Одним из излюбленных жанров писателя стал жанр рассказа. Предметом исследования данной статьи является рассказ «Осенний свет», впервые опубликованный в 1919 году. Рассказ относится к переходному периоду творчества писателя, когда его стиль претерпел существенные изменения. Важное место в творчестве Б. Зайцева занимает световая символика. Основополагающей она является и в рассказе «Осенний свет», что заявлено уже на уровне названия произведения. В статье делается вывод, что в рассказе мотив света семантически близок образу луны, который генетически восходит как к романтической эстетике, так и к русской религиозно-философской традиции. В рассматриваемом рассказе данный мотив, являясь символом уходящего в прошлое идеально-го мира, включен в структуру образа главного героя. Солнечный свет в художественном пространстве текста не проникает на землю, он находится в туманной дымке. Дымкой окутаны и мысли героя, охваченного сомнениями. Зыбкость жизни и тленность существования подчеркивает в рассказе свет луны, призрачный и безжизненный.

Ключевые слова: Б. Зайцев, русское зарубежье, рассказ, мотив света

Произведения Б. Зайцева оставили заметный след в русской литературе XX века. Писатель создал художественную прозу по преимуществу «лирическую, без желчи, живую и теплую» [12, 255]. Значимыми в творчестве Б. Зайцева стали жанры малой эпической прозы, в частности — жанр рассказа¹.

Рассказ «Осенний свет» впервые появился в печати в составе сборника «Путники», выпущенного в 1919 году «Кни-

гоиздательством писателей в Москве», членом-вкладчиком которого Б. Зайцев стал с самого его основания. Рассказ при жизни автора переиздавался несколько раз: в 1921 году в парижском издании сборника «Путники», в 1923 году в составе семитомного собрания сочинений Б. К. Зайцева, выпущенного издательством З. И. Гржебина (Кн. VI). Последнее прижизненное издание рассказа — публикация в журнале «Возрождение» в 1963 году (№ 136. С. 7—14). Время создания рассказа — переходный период в творчестве писателя, когда существенно меняется его художественная манера письма. В автобиографии «О себѣ» (1943) Б. Зайцев вспоминал:

...Я начал с импрессионизма. Именно тогда <...> впервые ощутил новый для себя тип писания: «безсюжетный рассказ-поэму»².

Произведения Зайцева 1900-х годов критики обвинили в бесфабульности и отсутствии героя, и в конце 1910-х годов начался новый этап в его творчестве, который характеризуется, по словам самого писателя, глубоким интересом к внутреннему миру человека:

...возбужденность первых годов немного стихает. Стремись несколько расширяться, ввести в круг писания своего не только природу, стихию, но и человекѣ — первыя попытки психологии (но всегда с перевѣсом поэзии). Отходит полная безсюжетность³.

Е. Воропаева считает, что рассказы Зайцева 1910-х годов тяготеют «к жанру психологической новеллы конца XX века, с характерным для нее интересом к метафизическим вопросам с их безысходностью, с ее тонко чувствующими, но бессильными героями и их грустным примирением с неудавшейся жизнью» [5, 17]. Многие исследователи полагают, что это была уже иная школа — школа А. П. Чехова, через которую прошли И. Бунин, А. Куприн, И. Шмелев и другие.

Б. Зайцев признавался, что внутренне «эти годы отождивались ростом спокойной меланхолии <...> еще ближе подводившей к Тургеневу и Чехову»⁴. В таком же «спокойно-меланхолическом» тоне написан и рассказ «Осенний свет» — «поэма в прозе об осенних сумерках», как назвал его исследователь Л. В. Усенко [14, 184].

Действие рассказа не случайно происходит осенью. Это время прощания природы с летом, порой цветения, солнечного света и подготовки к «временной смерти» — зиме. В жизни человека рано или поздно наступает «осень жизни» — время подведения итогов, воспоминаний о прожитых годах, о неосуществленных возможностях.

Зайцев ставит своего героя — Петра Ковалева — в сложную психологическую ситуацию: для него осень становится переломным моментом в жизни. Несмотря на то, что сюжет рассказа строится на описании одного дня из жизни Ковалева, Зайцев, прибегая к таким приемам психологической характеристики героя, как воспоминание, внутренние монологи, самоанализ, пытается показать глубинные истоки его переживаний.

На первый взгляд кажется, что у Ковалева есть все для того, чтобы чувствовать себя счастливым: дом, жена, дети. Единственная неприятность — сгорел дом в их семейной усадьбе Лиски, где герой провел свое детство и где до пожара жила его мать. Теперь мать временно живет у них, в Авдеево, и Ковалев спешит восстановить дом, для чего и приезжает в родную усадьбу.

Дом и дорога — излюбленные образы зайцевской прозы, а его герои — чаще всего странники, путники, недаром рассказ входил в сборник с одноименным названием («Путники»). Нередко у Зайцева одиночество героя, неудовлетворенность окружающей действительностью толкают его в путь (см., например, рассказы «Странник», «Путники», «Актриса», «Спокойствие»). Возвращение Ковалева в усадьбу Лиски, где он провел свою юность, вызывает в нем воспоминания о прошлом. Когда-то «робкий студент»⁵, Петя Ковалев, не способный, по мнению отца, стать хозяином имения, был влюблен в «Серебренникову барыню» — вдову Нину Андреевну Карстен. Встреча с ней напомнила Ковалеву не столько о его юношеской влюбленности, о женщине, «сломившей его юность» (282), сколько о своей молодости, которую уже не вернешь:

Сколько раз сиживаль Петя Ковалевъ на этой самой террасѣ, также дожидаясь хозяйки, не зная, куда дѣвать пухлыя

руки и большія ноги! Нынѣшній Ковалевъ вздохнулъ. Въ этомъ домѣ и на этой террасѣ, откуда виденъ сбѣгающій внизъ садъ, луга за нимъ и далекіе бугры зеленой, сжигалась и сгорѣла его юность: юность скудная и диковатая, но страстная (277).

Особую роль в воспоминаниях Ковалева играет мир природы. С. А. Венгеров писал:

Пассивностью зайцевские созерцатели напоминают <...> чеховских героев и «лишних людей» старой литературы. <...> У них есть особенность, которой не обладали их литературные предшественники. Далекіе от человеческой сутолоки, одинокие среди людей, они неразрывно связаны с природой, понимают ее язык, много от нее получают. Это особенно чувствуется в ранних произведениях [13, 211].

В рассказе «Осенний свет» картины природы становятся связующим звеном между настоящим и прошлым героя, характеристикой его внутреннего мира. Когда Ковалев приезжает в усадьбу Лиски, «блѣдное, пріятно-тихое» небо и «затуманенный» лужок неосознанно возвращают его в детство:

«Въ такой денекъ, подумаль Ковалевъ: отецъ навѣрно собрался бы съ гончими, трубилъ бы по сосѣднимъ лѣсамъ и вѣрнулся бы веселый, съ парой зайцевъ» (273).

Произведения Зайцева во многом автобиографичны, каждому из героев писатель доверяет что-то свое, сокровенное. В рассказе «Осенний свет» воспоминания Ковалева об отце, любившем охоту, близки и самому автору. В детстве Зайцеву подарили ружье, заказанное в тульской оружейной мастерской, с которым он, вместе с отцом, любил ходить на охоту в Устах и Людинове⁶. В рассказе «Призраки», также входившем в VI том цитируемого собрания сочинений, Б. Зайцев объяснит, почему тема памяти столь важна для него:

Всѣ наши чувства и мысли, образы, страданія, радости и заблужденья — слѣдуютъ за нами! И как будто они *прошли*, но они *не* прошли; всѣ ихъ несемъ мы съ собой, и чѣмъ далѣе — больше (курсив Б. Зайцева. — М. З., А. Х.) (287).

На протяжении всего рассказа Ковалев несколько раз оказывается в саду, который становится прообразом идеального мира, но мира ушедшего, символом утраченного рая:

Онъ шель между цвѣтовъ. Яблочный садъ тянулся за нимъ, но казалось, что тутъ же рядомъ, среди этихъ же мѣстъ, идутъ

прежня тѣни, бывлые люди, все, какъ бы отшедшее, но и живое. И онъ самъ тутъ проходитъ — инымъ шагомъ, съ иной душой, но все же онъ, студентъ Петя Ковалевъ; тамъ, у пруда, внизу, встрѣтитъ свою даму, какъ всегда изящную, спокойную и ровную (280).

Другим символом утраченного идеального мира становится в рассказе свет, но свет исчезающий.

Мотив солнечного, лунного и звездного света часто встречается в творчестве писателя: «Май» (1907), «Гость» (1908), «Жемчуг» (1910), «Мать и Катя» (1915), «Голубая звезда» (1918). Об этой особенности зайцевской прозы писал К. Чуковский:

«Свет» — его любимое слово. В его рассказах светится решительно все: и волны, и небо, и голуби, «светло-летающие голуби» (курсив К. Чуковского. — М. З., А. Х.)⁷.

В рассказе «Осенний свет» уже в названии заявлен мотив света, но, как было сказано выше, мотив угасающего света — осеннего, сумеречного. Основное действие происходит туманным, пасмурным сентябрьским днем, поэтому солнечный свет возникает в рассказе всего один раз, опосредованно, с помощью цветописы:

Золотисто-коричневатый листь лежалъ по дорожкѣ, шуршалъ подъ ногой. <...> Мѣстами клень ярко золотѣлъ. Яблони частью окопаны. И надъ всѣмъ — горьковатый, влажный и ранящій запахъ осени (275).

Солнечный свет в произведениях Зайцева, как считают исследователи, ассоциируется с христианской символикой: «Золотой свет — символ присутствия христианского Бога в мире» [3, 12], «в русской иконописи существуют традиционные законы цветовых решений при изображении мира “здешнего” и “небесного”, в соответствии с которыми золото является непременным атрибутом выражения божественного света» [3, 15]. Однако в рассказе делается акцент на том, что солнечный свет практически не проникает на землю, он находится в туманной дымке. Возможно, это символизирует сомнения, которыми охвачен герой, его разочарование и в то же время попытки найти ответы на мучившие его вопросы о смысле жизни. Картины засыпающей природы, опадающая

листва заставляют Ковалева проводить ассоциации со своей собственной судьбой:

Все то же, все то же, — думаль Ковалевъ. — Двадцать, тысяча лѣтъ пройдетъ, такъ же будетъ опадать листь липъ, такъ же будутъ вѣять, и корова такая же побредеть. Мы же все хлопчечемъ, женимся, родимъ и занимаемся жизненными дѣлами (275).

В рассказе происходит смена не только времени года (приближается зима), но и смена времени суток: день сменяется ночью, солнечный, приглушенный туманом свет сменяется лунным светом. Наиболее частый эпитет как дневного, так и ночного света в рассказе — серебристый или прозрачный:

Понемногу шире и шире разстился горизонтъ; завиднѣлся уже въ туманящихся, слегка серебристыхъ даляхъ большакъ въ уѣздный городъ (276).

Или:

Было тепло, серебристо, смутно. Тонкій паръ стелился надъ лугами. Снова изъ пустоты, далеко и безгранично, кричали грачи (281).

Лунный серебристый туманный свет говорит о призрачности, зыбкости, тленности всего происходящего. Обращает на себя внимание пустота небес и какая-то безжизненность лунного света:

Гдѣ-то грачи кричали — тѣмъ дальнимъ и бездомнымъ крикомъ, когда кажется, что это изъ бездны пустого неба зоветъ кто-то (280).

Обращаясь к образу луны, лунного света, Зайцев отталкивается как от романтической, так и от русской религиозно-философской традиции. От немецких романтиков идет восприятие луны как образа, рождающего мысль о бренности жизни, всего сущего. Русская романтическая поэзия, в частности, творчество В. А. Жуковского, а также творчество символистов сделали этот образ очень популярным в русской литературе и философии⁸. Так, например, у В. Розанова луна олицетворяет собой «вечное обещание», «грезу», «томление», «ожидание», «надежду», «что-то совершенно противоположное действительному»⁹. «Серебристая луна», «серебристый туман» в рассказе Зайцева также заставляют героя задуматься

о быстротечности и «туманном» круговороте человеческой жизни. Однако Зайцеву важно передать способность героя вознестись над повседневностью, почувствовать неумолимость судьбы, даже примириться с ней:

Именно здесь, на втором этапе творчества, мир Б. К. Зайцева обретает черты покоя и созерцательности. Яростные попытки противостоять <...> судьбе сменяются у его лирического героя благостным принятием ее тягот, а само его лицо часто напоминает теперь кроткий лик страдальца [14, 174].

Если в ранних произведениях писателя преобладала пантеистическая символика, которая отражала страх героя перед неизвестностью, смертью, одиночеством, то теперь эти образы (луны, солнца, ветра, звезд и т. д.) становятся символами духовного возрождения героя. Как писал сам Зайцев, «вместо раннего пантеизма начинают проступать мотивы религиозные — довольно еще невнятно <...> все же в христианском духе»¹⁰. Эта перемена в художественном мире писателя связана с его увлечением «философией Всеединства» В. С. Соловьева, философа, оказавшего огромное влияние на литературу Серебряного века: «Соловьев первый пробивал пантеистическое одьянье моей юности и давал толчок к вѣрѣ», — признавался Зайцев¹¹. Исследователи считают, что увлечение философией В. С. Соловьева не только привело писателя к христианству, вере, но и повлияло на его стиль, систему художественных образов, поэтику в целом¹². Кроме таких идей, как идея Всеединства, идея Вечной Женственности, ключевым и у Зайцева, и у Соловьева оказывается понятие «света»: «Вспоминая те годы, вижу тома сочинений Соловьева <...> вижу всегда лето и солнце и свет. Вообще всегда свет связан с Соловьевым», — скажет Б. Зайцев в автобиографическом произведении «Дни»¹³. У Зайцева, как и у Соловьева, свет символизирует победу духовного начала в человеке и природе над косным, материальным:

Вещество есть косность и непроницаемость бытия — прямая противоположность идее как положительной всепроницаемости или всеединству. Лишь в свете вещество освобождается от своей косности и непроницаемости¹⁴.

Другой мотив рассказа, который отсылает нас к философии В. Соловьева, — мотив Вечной Женственности:

Стремясь соединить в женщине земное и небесное начала, Б. К. Зайцев пытается воплотить в своем творчестве идеи Вл. Соловьева о всепоглощающей любви и Вечной Женственности (Софии), разлитой во вселенной [7, 185].

На протяжении всего рассказа Ковалев и в своих воспоминаниях, и в момент встречи с Ниной Андреевной рисует ее идеальный образ. Перед нами властная, уверенная в себе, «красиво» стареющая женщина, некогда «сломившая» юность героя. Характеризуя Нину Андреевну Карстен, «Серебренникову барыню», Зайцев упоминает, что в ней есть «шведская кровь» (279), и называет ее «полурусской, полущведской женщиной» (282). В портрете Нины Андреевны, как и в осеннем пейзаже, преобладают холодноватые, прозрачные тона:

И глядѣла на него все тѣми же голубоватыми, ясными глазами. Тѣ же пепельные волосы, нѣсколько полная и очень свѣтлая шея; лишь взглядѣвшись, замѣтил онъ мелкія морщинки у глазъ и коричневатые обводы (278).

Все в этой героине правильно, каждое движение точно, она ничего не делает лишнего, как хорошо отлаженный механизм:

Она <...> такъ же наливала спокойной, дѣловитой рукой чай сквозь ситечко, неторопливо двигала посуду, неторопливо вытирала, какъ привычный, и очень увѣренный въ себѣ человекъ <...> она со всѣми любезна, ровна и чуть-чуть радостна, и неизвѣстно, къ кому же идетъ она — бѣлыми, легкими стопами проходящая въ жизни (279—280).

Однако Ковалев, как и в юности, поддается ее спокойному и холодному обаянию. Вечером же, вспоминая прожитый день, он снова подумает о Нине Андреевне, но уже как о призраке, бессмысленно проживающем лишь внешне красивую жизнь:

Въ этотъ часъ, онъ зналъ, Нина Андреевна ложится спать въ своей роскошной спальнѣ, въ тонкомъ бѣльѣ, вымытая, элегантная, стараясь не поддаться старости, гигиенично читая немного передъ сномъ. Вѣроятно, тѣ розы, съ которыми она взшла сегодня на балконъ, въ хрустальной вазочкѣ стоятъ

на ея туалетѣ, отражаясь въ трехъ зеркалахъ. И она сама каждое утро, каждый вечеръ въ этихъ зеркалахъ отражается — медленно проходящій въ жизни призракъ (283).

До встречи с Ниной Андреевной Ковалев чувствовал себя одиноким, вернее, ему постоянно хотелось побыть одному, остаться наедине со своими мыслями, своими воспоминаниями. Зайцев часто обращается к мотиву болезни в своем творчестве. Ковалев, как пишет автор, «въ послѣднее время чувствовалъ себя неважно» (275), сердце его билось сильнее, чем обычно, он задыхался. Упоминание старосты о «Серебренниковой барыне» и встреча с ней еще более обостряют в герое болезненные ощущения: Нина Андреевна становится для него призраком, тенью прошлого, которое не вернуть.

На протяжении всего рассказа Зайцев противопоставляет этих двух героев, а значит, и два совершенно различных образа жизни: Ковалев «слишком» русский в душе, а в Нине Андреевне много западного, начиная с ее фамилии и имени. Нина Андреевна Карстен сдавала свое имение латышу, и оттого все вокруг имело «образцовый духъ» (277). Когда Ковалев приехал к ней, его удивила и «дѣвица западнаго вида», расхаживающая среди свиней, и дворовой мальчик в тирольской шляпе, имеющий такой независимый вид, что Зайцев, характеризуя его, прибегает к литературной цитате: «мальчикъ въ штанахъ» (277). «Мальчик в штанах» — персонаж сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Мальчик в штанах и мальчик без штанов», входящей в книгу «За рубежом», которая была написана в 1880 году после поездки писателя за границу. Негативное отношение Салтыкова-Щедрина к западному образу жизни выразилось в сказке в споре немецкого «мальчика в штанах» и русского «мальчика без штанов». Русский мальчик обвиняет немецкого в том, что тот «за грош черту душу продал»¹⁵. Немецкий мальчик, в свою очередь, полагает, что русский отдал душу господину Калупаеву «совсем задаром»: «Задаром-то отдал — стало быть и опять могу назад взять», — гордо заявляет русский¹⁶. С помощью этой короткой литературной проекции Зайцев показывает, что неосознанное неприятие Ковалевым образа жизни Карстен (сцена в конце второй главы, когда к Нине

Андреевне приходит отец «мальчика в тирольской шляпе», и они беседуют о хозяйственных делах, Ковалеву становится скучно, и он уходит от них в сад), его меланхолическое настроение, его хандра вызваны как раз тем, что он — русский, недаром Нина Андреевна шутливо обвиняет его: «— Ахъ вы, русскій челоѣкъ! Всѣ-то вы склонны къ мнору, къ меланхоліи» (278). И далее: «Русскіе не любятъ вѣдь порядка, созиданія, богатства» (281). В какой-то степени Зайцев проговаривает здесь идеи Соловьева о различии России и Запада:

Отдельный личный интерес, случайный факт, мелкая подробность — атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в искусстве — вот последнее слово Западной цивилизации. Она выработала частные формы и внешний материал жизни, но внутреннего содержания самой жизни не дала человечеству <...> без внутреннего органического единства они лишены живого духа, и все это богатство является мертвым результатом¹⁷.

С одной стороны, Ковалева удивляет и даже восхищает та простота и практичность, с которой живет Нина Андреевна, «бѣлыми, легкими стопами проходящая въ жизни» (280), с другой стороны, сам герой жить сиюминутными, материальными заботами не может или не умеет: «...что-то странное было въ этой заботѣ объ устройствѣ жизни», — размышляет он (284). Однако авторская позиция неоднозначна. Когда Ковалев возвращается вечером в Лиски, Зайцев рисует картину убогой русской жизни, с которой трудно примириться, но которая до боли близка и понятна герою:

И подѣхавъ къ Лискамъ, онъ приказалъ лошадей распречь, задать имъ корму; себѣ же постелить въ конторѣ. Грязноватая баба внесла ему черезъ четверть часа грязноватый самоваръ. За маленькимъ столомъ, у убогаго окошка русской избы, Ковалевъ молчаливо и одиноко пилъ чай съ блюдечка, откусывая сахаръ по мужицки. <...> По скатерти пробѣжалъ тараканъ, на ходу пошевеливая усиками (283).

В повести Б. Зайцева «Спокойствие» другой герой, Константин Андреич, сравнивая жизнь в Италии и России, прекрасно выразит словами то, о чем молчит Ковалев:

Здѣсь же все плохое, отсталое, надъ чѣмъ всегда смѣются, — и тѣмъ оно милѣй. «Кто заступится за наше? А обидить всякій»¹⁸.

Герои Зайцева, как отмечают исследователи, связывают хорошо обустроенный уютный дом с материальным земным началом, тогда как сами они находятся в поисках дома духовного, именно поэтому окружающим они кажутся странными¹⁹. Неслучайно на обвинения Нины Андреевны в излишней меланхолии Ковалев отвечает вопросом и чуть ли не раздраженно:

...а надо разумно и съ достоинствомъ вкушать отъ жизни? И затѣмъ спокойно уходить? (278).

Ковалев не понимает также желания матери непременно отстроить дом заново:

Сюда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переберется его мать, чтобы, навѣрно, тутъ умереть, провляча нѣсколько темныхъ и безцвѣтныхъ лѣтъ. Но зачѣмъ-то и она хочетъ этого устройства, и каменщики работаютъ, и онъ, вѣрный сынъ, Петръ Ковалевъ, ѣздитъ за кирпичомъ. Луна же катитъ надъ ними свой загадочный, туманный ликъ, не то насмѣшливый, не то грустный. Ей видна была и его жизнь, стоящаго здѣсь человѣка. «Что же, вотъ и мы, такіе мы есть, и такъ прожили свою жизнь. А какъ за нее отвѣтимъ, — это невѣдомо» (284).

В финале рассказа снова возникает образ луны, только теперь переживания Ковалева о прожитой жизни, о неминуемой смерти обретают тональность светлой, спокойной печали. По мнению Л. В. Усенко, если «очертить кратко эволюцию зайцевских героев этого времени, то вот ее основные моменты: от эгоизма — к вниманию и доброжелательности к миру и при этом осознанная невозможность слиться с ним, принятие жизни такой, какова она есть, ибо природа вечна и мудра, а человек бременен» [14, 177]. Это может быть одной из ступеней Б. Зайцева на пути к зрелой прозе, к «духовному реализму» в том понимании, в каком о нем писал А. М. Любо-мудров [11]²⁰.

Рассказ «Осенний свет» в «сжатом» виде представляет всю жизнь главного героя, который подводит итоги и находит в себе силы примириться с неизбежностью судьбы. В структуру образа героя включен и мотив света, ставший доминан-

той сюжета рассказа в целом: он является для Ковалева символом уходящего в прошлое идеального мира. Как показал анализ, солнечный свет в художественном пространстве текста не проникает на землю, он находится в туманной дымке. Дымкой окутаны и мысли героя, охваченного сомнениями. Зыбкость жизни и тленность существования подчеркивает в рассказе свет луны, призрачный и безжизненный.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX—XX вв.» (№ 34.1126).

¹ Творчеству писателя посвящены как отдельные статьи, так и целые главы из монографий по истории литературы русского зарубежья. См., например: [1], [2], [6], [9], [12] и другие работы.

² Зайцевъ Б. О себѣ // Возрождение. Париж, 1957. Тетрадь 70 (октябрь). С. 25.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Зайцевъ Б. Собрание сочинений. Т. VI. Берлинъ; Пб.; М., 1923. С. 278. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

⁶ Подробнее см.: [8, 8].

⁷ Чуковский К. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: статьи 1906—1968 годов. М., 1969. С. 320.

⁸ Подробнее об этом см.: [15].

⁹ Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. Поэт русского зарубежья В. Перелешин (1913—1992) в рецензии на издание этой книги в 1977 году в Германии писал: «Солнечный свет жизнетворен, он греет, а лунный только светит, но не греет — приносит одни грезы, одни мечты, одни неясные обещания» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1977. № 128. С. 303).

¹⁰ Зайцевъ Б. О себѣ. С. 26.

¹¹ Там же.

¹² Подробнее об этом см.: [10].

¹³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 9 (доп.). М., 2000. С. 320.

¹⁴ Соловьев В. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 44 (глава «Красота как преобразующая сила»).

¹⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М., 1988. С. 44.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Соловьев В. С. Три силы // Соловьев В. С. Избранное. М., 1990. С. 55.

¹⁸ Зайцевъ Б. Собрание сочинений. Т. 2. Полковникъ Розовъ. Рассказы. М., 1918. С. 179.

¹⁹ Подробнее об этом см.: [3, 23—25].

²⁰ См. также: [4].

Список литературы

1. Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917—1940: материалы к биографии. — СПб.: Наука, 1993. — 202 с.
2. Аринина Л. М. Образ «трагической» России в произведениях Бориса Зайцева 20-х годов // В поисках гармонии (о творчестве Б. К. Зайцева): межвузовский сб. науч. тр. — Орел, 1998. — С. 28—35.
3. Баландина М. Б. Художественный мир Б. Зайцева. — Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. — 34 с.
4. Ветрова М. В. Творческая эволюция Бориса Зайцева: от импрессионизма к духовному реализму // Творчество Б. К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы 20 века: четвертые Межд. зайцевские чтения: сб. ст. — Калуга: Институт повышения квалификации работников образования, 2003. — Вып. 4. — С. 92—97.
5. Воропаева Е. Жизнь и творчество Бориса Зайцева // Зайцев Б. К. Сочинения: в 3 т. — Т. 1. — М.: Худож. литература; ТЕРРА, 1993. — С. 5—47.
6. Демидова О. Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья. — СПб.: Гиперион, 2003. — 296 с.
7. Дудина Е. Ф. Своеобразие художественного метода Б. К. Зайцева 1900—1921 годов // Ученые записки Орловского государственного ун-та. — Орел, 2012. — № 5. — С. 183—188.
8. Зайцев Е. Н. Борис Зайцев и Калужский край. — Калуга: Ин-т усовершенствования учителей, 1995. — 34 с.
9. Костиков В. «Не будем проклинать изгнание...». Пути и судьбы русской эмиграции. — М.: Международные отношения, 1994. — 525 с.
10. Краснова Л. В. Соловьевские мотивы в творчестве Бориса Зайцева // В поисках гармонии (О творчестве Б. К. Зайцева). — Орел, 1998. — С. 100—108.
11. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Борис Зайцев. Иван Шмелев. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 272 с.
12. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. — М.: Просвещение, 1995. — 432 с.
13. Русская литература XX века (1890—1910) / под ред. проф. С. А. Венгерова. — М.: XXI век — Согласие, 2000. — Кн. 2. — 472 с.
14. Усенко Л. В. Импрессионизм в русской прозе начала XX века. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1988. — 240 с.
15. Янушкевич А. С. Мотив луны и его русская традиция в литературе XX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи: сюжеты и мотивы: сб. науч. тр. — Новосибирск, 1995. — С. 53—61.

Marina V. Zavarkina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
mvnikulina@mail.ru*

Anton V. Khramykh

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
prestoptz@yandex.ru*

MOTIF OF LIGHT IN “AUTUMN LIGHT”

BY B. ZAYTSEV

Abstract. B. Zaytsev is one of the most significant figures of Russian emigration, the emigrant of the first wave, whose prose has left a noticeable trace in Russian literature. One of the favorite genres of the writer was the genre of the story. The subject of this article is the story “Autumn Light”, which was first published in 1919. The story belongs to the transitional period in the writer’s creative process, when his style changed significantly. Light symbolism occupies an important place in B. Zaytsev’s works. So does it in the story “Autumn Light”, that is stated in the title of the story. The article concludes that in the story the motif of light is semantically close to the image of the Moon, which is genetically traced both to romantic aesthetics, and to Russian religious and philosophical traditions. In this story this motive is a symbol of the perfect world, passing into the past. This motif is also included in the structure of the hero’s image. Sunlight in the artistic space of the text does not reach the ground, it is surrounded by damp haze. The hero’s thoughts are hazed too and he is full of doubts. The fragility of life and temporality of existence are emphasized in the story by the moonlight, ghostly and lifeless.

Keywords: B. Zaytsev, Russian abroad, the story, the motif of light

References

1. Alekseev A. D. *Literatura russkogo zarubezh'ya. Knigi 1917—1940: materialy k biografii* [Russian Literature abroad. Book 1917—1940: materials for the biography]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1993. 202 p.
2. Arinina L. M. *Obraz «tragicheskoy» Rossii v proizvedeniyakh Borisa Zaytseva 20-kh godov* [The image of the “tragic” of Russia in Boris Zaytsev’s works of the 1920s]. *V poiskakh garmonii (o tvorchestve B. K. Zaytseva): mezhdvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [In search of harmony (the works of B. K. Zaytsev): interuniversity collection of scientific papers]. Orel, 1998, pp. 28—35.
3. Balandina M. B. *Khudozhestvennyy mir B. Zaytseva* [The artistic world of B. Zaytsev]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University Publ., 2003. 34 p.
4. Vetrova M. V. *Tvorcheskaya evolyutsiya Borisa Zaytseva: ot impressionizma k dukhovnomu realizmu* [Creative evolution of Boris Zaytsev: from impressionism to spiritual realism]. *Tvorchestvo B. K. Zaytseva v kontekste russkoy i mirovoy literatury 20 veka: chetvertye Mezhdunarodnye nauchnye*

- Zaytsevskie chteniya: sbornik statey* [The Works of B. K. Zaytsev in the context of Russian and world literature of the 20th century: the Fourth International scientific. Zaytsev reading: collected articles]. Kaluga, Institute for improving the qualifications of educators Publ., 2003, vol. 4, pp. 92—97.
5. Voropaeva E. Zhizn' i tvorchestvo Borisa Zaytseva [The Life and creative work of Boris Zaytsev]. *Zaytsev B. K. Sochineniya: v 3 tomakh* [Zaytsev B. K. Works: in 3 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ.; TERRA Publ., 1993, vol. 1, pp. 5—47.
 6. Demidova O. *Metamorfozy v izgnanii: literaturnyy byt russkogo zarubezh'ya* [Metamorphoses in exile: the literary life of the Russian emigration]. Saint-Petersburg, Hyperion Publ., 2003. 296 p.
 7. Dudina E. F. *Svoeobrazie khudozhestvennogo metoda B. K. Zaytseva 1900—1921 godov* [The peculiarity of the artistic method of B. K. Zaytsev, 1900—1921]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], Orel, 2012, no. 5, pp. 183—188.
 8. Zaytsev E. N. *Boris Zaytsev i Kaluzhskiy kray* [Boris Zaytsev and Kaluga region]. Kaluga, Institute of improvement of teachers Publ., 1995. 34 p.
 9. Kostikov V. «Ne budem proklinat' izgnan'e...». *Puti i sud'by russkoy emigratsii* ["Let us Not curse the exile...". The path and fate of the Russian emigration]. Moscow, International relations Publ., 1994. 525 p.
 10. Krasnova L. V. *Solov'evskie motivy v tvorchestve Borisa Zaytseva* [Solovyov's motives in the works of Boris Zaytsev]. *V poiskakh garmonii (O tvorchestve B. K. Zaytseva)* [In search of harmony (On the works of B. K. Zaytsev)]. Orel, 1998, pp. 100—108.
 11. Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya. Boris Zaytsev. Ivan Shmelev* [The spiritual realism in literature of the Russian abroad. Boris Zaytsev. Ivan Shmelyov]. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 272 p.
 12. Mikhaylov O. N. *Literatura russkogo zarubezh'ya* [Russian Literature abroad]. Moscow, Education Publ., 1995. 432 p.
 13. *Russkaya literatura XX veka (1890—1910)* [Russian literature of the 20th century]. Moscow, XXI vek — Soglasie Publ., 2000, vol. 2. 472 p.
 14. Usenko L. V. *Impressionizm v russkoy proze nachala XX veka* [Impressionism in Russian prose of the early 20th century]. Rostov-na-Donu, Rostov State University Publ., 1988. 240 p.
 15. Yanushkevich A. S. *Motiv luny i ego russkaya traditsiya v literature XX veka* [The motif of the Moon and its tradition in Russian literature of the 20th century]. *Rol' traditsii v literaturnoy zhizni epokhi: syuzhety i motivy: sbornik nauchnykh trudov* [The role of tradition in the literary life of the era: the themes and motifs: collection of scientific papers]. Novosibirsk, 1995, pp. 53—61.

Дата поступления в редакцию: 18.02.2015